

Гордеева Елена Михайловна

МЕТАОПИСАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЕСТИ Ю. М. НАГИБИНА "ДАФНИС И ХЛОЯ ЭПОХИ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ, ВОЛОНТАРИЗМА И ЗАСТОЯ"

Статья посвящена изучению повести Ю. М. Нагибина "Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волонтаризма и застоя" (1994). Исследовательское внимание сосредоточивается на связи рефлексивных фрагментов произведения с пасторальными исканиями автора. Указывается, что метаописание играет в повести жанрообразующую роль. Подчеркивается, что автор, изображая современность, не только ориентировался на роман Лонга "Дафнис и Хлоя", но и непосредственно обсуждал свой творческий выбор в ходе повествования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. I. С. 71-74. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

DOMESTIC ORGANIZATIONS INVOLVED IN THE DEVELOPMENT OF LEXICOGRAPHICAL INFORMATION RESOURCES OF SOCIO-HUMANITARIAN ORIENTATION

Goncharova Viktoriya Vladimirovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Saint Petersburg State University of Economics
souris13@yandex.ru

The article analyzes the work of the organizations involved in the development of lexicographical information resources of socio-humanitarian orientation. The author identifies and briefly characterizes the basic types in the modern domestic organizational structure in the sphere of lexicography. The paper examines lexicographical information resources of socio-humanitarian orientation developed in these organizations.

Key words and phrases: lexicography; lexicographical information resource; creators of the lexicographical information resources; socio-humanitarian orientation; organizational structure.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена изучению повести Ю. М. Нагибина «Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волонтаризма и застоя» (1994). Исследовательское внимание сосредоточивается на связи рефлексивных фрагментов произведения с пасторальными исканиями автора. Указывается, что метаописание играет в повести жанрообразующую роль. Подчеркивается, что автор, изображая современность, не только ориентировался на роман Лонга «Дафнис и Хлоя», но и непосредственно обсуждал свой творческий выбор в ходе повествования.

Ключевые слова и фразы: Ю. М. Нагибин; «Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волонтаризма и застоя»; метаописание; жанр; современная пастораль.

Гордеева Елена Михайловна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
elenagordeeva2012@gmail.com

**МЕТАОПИСАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЕСТИ Ю. М. НАГИБИНА
«ДАФНИС И ХЛОЯ ЭПОХИ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ, ВОЛОНТАРИЗМА И ЗАСТОЯ»[©]**

Повесть Юрия Марковича Нагибина «Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волонтаризма и застоя» (1994) – произведение многоплановое. В нем идет речь не только об «истории одной любви» (как указано в его авторском подзаголовке), но и о том, как эта «история одной любви» стала повестью.

В современной литературе метаописание – явление широко распространенное. В отдельно взятом произведении оно может быть точечным или системным, едва заметным или, напротив, бросающимся в глаза, оно может лишаться концептуального значения или, напротив, приобретать его. В повести «Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волонтаризма и застоя» метаописание играет жанрообразующую роль. Без учета метаописательной составляющей невозможно сформировать сколько-нибудь полное представление о жанровом своеобразии данного произведения. Показать связь метаописания с пасторальными исканиями автора повести – цель наших дальнейших наблюдений.

Прежде всего, заметим, что круг текстов, с помощью которых написанное комментируется, в которых литература объясняется через литературу, достаточно широк. Пастораль Лонга «Дафнис и Хлоя» является главным из них. Выбирая роман Лонга в качестве ориентира, Нагибин не только реактуализировал характерные пасторальные темы и образы, но и обсуждал свой выбор прямо на страницах повести. Отдавая отчет в том, сколь неожиданным (возможно, парадоксальным) выглядит сходство его героев с героями древнегреческого романа, он убеждался и в том, что совпадения между ними имеют глубинный характер. «Экзотичность» пасторали, с одной стороны, и ее поразительная актуальность – с другой, побуждали писателя к автокомментарии, к прямому высказыванию по поводу создаваемого им произведения.

Нагибинская повесть, как и роман Лонга, начинается с метаописания. Вслед за Лонгом герой-повествователь объясняет причины, побудившие его взяться за перо. Если Лонг «много потрудившись, четыре книги написал», соревнуясь с увиденной им картиной [2, с. 18], то герой Нагибина написал повесть в надежде, что процесс письма окажет на него терапевтическое воздействие, поможет ему «до конца отговориться, без всяких литературных околичностей, теперь уже навсегда» [3, с. 318]. Мотивы создания сопоставляемых произведений были разными, общим являлось стремление авторов сказать о них прямо в тексте. И повесть Нагибина, и роман Лонга – «о жизни человеческого сердца». Лонг рассказывает о любви чужой, нагибинский повествователь – о своей. В обоих случаях тема любви объявляется в начале произведений и комментируется Лонгом («Дафнис и Хлоя») или героем-повествователем («Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волонтаризма и застоя»).

Настаивая на литературной основе своего сочинения, нагибинский повествователь прямо называет «образцы», на которые ориентировался в процессе работы. Так, он вспоминает, что написать произведение о «первой любви» решил сразу после расставания с возлюбленной. Реализация замысла заняла несколько лет и протекала в несколько этапов. Первый вариант был написан во время войны «по живому следу казавшегося окончательным разрыва». В качестве литературного ориентира тогда был избран роман Флобера «Воспитание чувств» (1870). Герой сообщал, что «уподобил» себя Фредерику, а Дашу – «его вечной и безнадежной любви, госпоже Арну» [Там же, с. 530].

Кроме того, он обращал внимание и на то, что, как и Флобер, поначалу не собиравшийся печатать свой роман, положил свою повесть «в стол», где она лежала «вместе с другими, не предназначавшимися для печати рукописями» [Там же, с. 317]. Данный вариант повести был бесследно утрачен, и герой, вернувшись к своему замыслу спустя некоторое время, сожалел о потере. Он полагал, что «порожденные сильным и непосредственным чувством» эти страницы вполне могли войти в повесть.

Как и Флобер, позднее написавший совершенно новый роман, герой Нагибина создал второй вариант «истории одной любви». Однако, в отличие от Флобера, опубликовавшего свой новый роман, герой-повествователь познакомил с очередной версией своей повести лишь узкий круг близких людей (отчим, Даша, Андрей Платонов). Хотя этот вариант и не был напечатан, у него, как и у романа Флобера, была своя аудитория, пусть по масштабу и не сопоставимая с флюберовской.

Замысел, возникший в начале войны, осуществился через несколько десятилетий. Итогом многолетней работы стала повесть, в названии которой содержится (как неоднократно уже подчеркивалось) прямая отсылка к античной пасторали, находящаяся в сильной позиции, непосредственно выражающая жанровые предпочтения героя-повествователя.

Нельзя не обратить внимания на то, с какой тщательностью воссоздается история текста. Значимыми представляются и избираемые для подражания образцы. В начале работы приоритеты повествователя были связаны с «Воспитанием чувств» Флобера, на заключительном ее этапе – с «Дафнисом и Хлоей» Лонга. Столь детальное обсуждение творческой истории повести призвано подчеркнуть, что жизнь в данном произведении подчиняется литературе, а не наоборот, что к Лонгу герой-повествователь пришел в процессе работы, что ориентация на античную пастораль – результат его творческого выбора.

Отказываясь от ориентации на опыт автора «Воспитания чувств», герой-повествователь не принимал и другую крайность, в его сознании ассоциирующуюся с именем Генри Миллера. Произведения Генри Миллера («Тропик Рака» (1934); «Тропик Козерога» (1939)) не называются, однако из контекста становится понятно, что речь идет именно о них. Повествователь имеет в виду откровенный физиологизм в изображении интимных отношений, свойственный Генри Миллеру, ставший его «визитной карточкой» и получивший широкую известность. Нагибинский герой-повествователь, рассказывая о чувствах, связывавших его с Дашей, замечал, что уподобляться Генри Миллеру не хотел бы и к его скандальной славе не стремился.

Важно подчеркнуть, что Флобер и Генри Миллер в сознании героя-повествователя ассоциируются с разными возможностями, которые открываются писателю, взявшемуся за тему любви. В плане метаописания важно также заметить, что свои эстетические предпочтения герой излагает непосредственно в ходе повествования, не только показывая «историю одной любви», но и объясняя, что именно хотел показать, в случае с Флобером и Генри Миллером – чего показывать ему не хотелось бы.

И здесь не существенно, так ли это было на самом деле, действительно ли автор «ушел» от Флобера, действительно ли не мечтал о «лаврах» Генри Миллера. Важно, что и о Флобере, и о Генри Миллере речь идет в связи с обсуждением собственно эстетических вопросов, связанных с художественным выбором героя-повествователя. Важно, что обсуждаются разные подходы к художественному претворению «истории одной любви», важно, что повествователь останавливается на «Дафнисе и Хлое», делая конечный выбор в пользу античной пасторали.

Продемонстрируем «механизм» отмеченного выбора на примере отдельно взятого пассажа героя-повествователя. Рассказав о Новогодней ночи, которую он провел вместе с Дашей, но так и не отважился на близость с ней, герой замечает: «Даша была унижена собственной нерешительностью, отступлением от принятого героического решения, моей слюньювой слабостью, победой скудного быта над праздником любви, Зоценки над Лонгом, советским убожеством над прелестью Дафниса и Хлои» [Там же, с. 393]. Прежде всего, обратим внимание на присутствие в приведенном «автокомментарии» темы «воспитания чувств». Нетрудно заметить, что эта тема предстает заметно травестированной: целомудрие, проявленное героями, осуждается. Примечательно, что осуждение происходит с опорой на литературные авторитеты, банальная житейская история эксплицируется при помощи отсылок к широко известным литературным именам. Объяснение строится на контрасте: скудный быт, советское убожество противопоставляются празднику любви, гримасы совкового сознания в сатирическом отражении Зоценко – прелестной пасторали Лонга.

В рассмотренном примере важно соседство изображения и его интерпретации, комментирование одного литературного текста другим. При этом существенно не то, что жизненная история оказалась достойна пера не Лонга, а Зоценко. Важно, что с Лонгом, с его «Дафнисом и Хлоей» связан и этический, и эстетический идеалы героя-повествователя.

Как произведение метаописательное, нагибинская повесть соотносится с рядом других метаописательных текстов. Некоторые из них упоминаются на ее страницах. Например, рассказывая о том, как Б. Пастернак отреагировал на известие о проработке повести М. Зоценко «Перед восходом солнца», герой повествователь сообщает, что его огорчило предательство В. Шкловского, которого он «привык чтить за ранние книги: “Тамбургский счет”»,

“Зоо”, “Третья фабрика”» [Там же, с. 466]. Упомянутые здесь произведения В. Шкловского представляют собой образцы метаописательной прозы. Из них к «Дафнису и Хлое эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя» наиболее близок роман «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1923). Данный роман называется на страницах нагибинской повести как произведение «читимое» героем-повествователем и во многом сходное с тем, над каким работает он сам. Одним из оснований для сближения указанных произведений является наличие в том и другом рефлексивных эпизодов, образующих самостоятельный «сюжет».

Как и нагибинская повесть, роман Шкловского отличается высокой степенью авторской саморефлексии. В обоих произведениях герои-писатели, и тот, и другой надеются, что, рассказав о своем душевном «недуге», освободятся от него навсегда. И тот, и другой не верят в то, что этот «недуг» можно чем-нибудь излечить (даже литературой). Оба произведения являются авторскими исповедями, оба автора отрицают их автобиографический характер.

В обоих произведениях речь идет о любви самозабвенной. Герой Шкловского не раз называет свою любовь «нерадостной»; в том же мог бы признаться и герой Нагибина. Оба произведения, как о любви, так и о нелюбви. Роман «Зоо», в полном варианте заглавия содержащий прямую отсылку к сентименталистской пасторали Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», как и нагибинская повесть, представляет собой современную пастораль, и это еще один, может быть, главный повод, чтобы герой-повествователь Нагибина вспомнил именно этот роман Шкловского.

Явно с метаописательными целями неоднократно упоминается в нагибинской повести имя Жана Жироду. Юра, размышляя о том, почему Даша обратила внимание именно на него, вспоминает об Одиссее, который, «если верить Жироду, пытался воспрепятствовать Троянской войне лишь потому, что взмах ресниц Андромахи напомнил ему Пенелопу». Продолжая свою мысль, Юра замечает: «У меня, кстати, очень длинные ресницы, – может, в них дело?» [Там же, с. 349]. На первый взгляд, кажется, что упоминание имени Жироду (равно как и Андромахи, Пенелопы, Одиссея) носит случайный характер. Однако это не так.

Во-первых, очевиден комический подтекст приведенной отсылки. Комический эффект возникает вследствие того, что современный герой, невзирая на гендерные различия, запросто отождествляет себя с античной богиней (небожительницей) на том основании, что, как и она, является обладателем длинных ресниц. Как в далекой древности длинные ресницы Андромахи («если верить Жироду») привлекли внимание Одиссея, так и в современности, возможно, именно они пробудили интерес к Юре со стороны Даши.

Во-вторых, не случайным является и тот факт, что античность «вспоминается» герою в «транскрипции» именно Жироду. Известно, что французский писатель неоднократно обращался к древнегреческим мифам как к универсальным «кодам», позволяющим понять современность. Уточнение, сделанное героем-повествователем («если верить Жироду»), отсылает к пьесе «Троянской войны не будет» (1935), основанной на древнегреческом мифе. Его проекции на европейскую действительность 1930-х гг. выглядят весьма прозрачными. Они призваны убедить в том, что, как в древности, так и в современности военного кровопролития можно избежать: для этого люди должны отказаться от своей глупости и амбиций.

Комический эффект рассматриваемой отсылки к Жироду усиливается благодаря тому, что герой вспоминает пьесу «Троянской войны не будет» в связи с размышлениями на приватную тему, весьма далекую от проблематики пьесы. Однако и здесь самоиронией (в нагибинской повести весьма распространенной) дело не ограничивается. «Тень» падает и на автора пьесы «Троянской войны не будет». Судя по ссылке («если верить Жироду»), абсолютной уверенности в том, что дело было именно так, как об этом говорится в пьесе (взмах ресниц Андромахи заставил Одиссея вспомнить о жене, начать «воспрепятствовать Троянской войне»), у героя-повествователя не было.

Создавая современную версию «Дафниса и Хлои», Нагибин вполне мог учитывать опыт «перелицовки» античного мифа, предпринятой Жироду. Нагибин, изображая современность, тоже ориентировался на известные литературные прецеденты, тоже комически интерпретировал восходящие к античности темы и образы. Нагибин, как и Жироду, входил в число авторов, полагавших, что источником литературы является не только жизнь, но и сама литература.

Как и в случае с романом Шкловского «Зоо», одним из поводов вспомнить пьесу «Троянской войны не будет» являлось отчетливо выраженное в ней пасторально-идиллическое начало. Пьеса «Троянской войны не будет» строится на антитезе войны и мира, являющейся, как известно, одной из основных пасторальных оппозиций. Отмеченное противопоставление выглядит достаточно напряженным, так как речь идет о судьбе целых народов. В пьесе неоднократно возникают «картины» мира, носящие откровенно пасторально-идиллический характер (говорится о любви, о семье, о рождении детей и т.п.). Андромаха взмахивает ресницами, как Пенелопа, потому что все женщины ведут себя одинаково, когда чувствуют, что их семейный очаг под угрозой. Андромаха умоляла своего Гектора отказаться от военных действий, потому что хотела видеть супруга живым, хотела, чтобы ребенок, которого она носила под сердцем, ребенок Гектора, не потерял отца, еще не успев родиться на свет. Идеализация мира непосредственно связана с пацифистскими воззрениями автора, формирующими концепцию произведения.

Нетрудно заметить, что среди множества имен, упоминаемых в рассматриваемой повести, встречаются имена тех писателей, чьи авторские стратегии оказались наиболее близкими Нагибину. Разумеется, не все упоминаемые произведения относятся к пасторально-идиллической традиции, с которой связана нагибинская повесть. Однако важно подчеркнуть, что среди литературных «претекстов» повести Нагибина, во-первых, имеются и такие, которые, как роман «Зоо» или пьеса «Троянской войны не будет», с пасторалью,

так или иначе, все-таки соприкасаются. Во-вторых, среди претекстов рассматриваемого произведения особое место занимает древнегреческий роман «Дафнис и Хлоя», становящийся готовым литературным «сценарием», по которому «расписывается» современная пастораль.

Итак, наши наблюдения показали, что повесть Нагибина не только о любви, но и о литературе, об отдельно взятом произведении литературы, в котором авторская рефлексия направлена на самопознание и самоопределение писателя, являющегося и творцом своей повести, и повествователем, и героем. В повести «Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волонтаризма и застоя» пастораль не только изображается (пасторальные герои, пасторальный хронотоп, пасторальные ценности и т.п.), но и одновременно оказывается предметом авторской рефлексии; автометаописание становится одним из важнейших структурно-семантических элементов жанра данного произведения как современной пасторали.

Список литературы

1. **Жироду Ж.** Троянской войны не будет // Жироду Ж. Пьесы / пер. с фр.; вступ. ст. А. Д. Михайлова; коммент. С. В. Шкунаева. М.: Искусство, 1981. С. 339-420.
2. **Лонг.** Дафнис и Хлоя / пер. с древнегреч. С. Кондратьева; вступ. ст. и примеч. М. Грабарь-Пассек. М.: Художественная литература, 1964. 179 с.
3. **Нагибин Ю. М.** Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волонтаризма и застоя // Нагибин Ю. М. О любви. М.: РИПОЛ классик, 2010. С. 317-538.
4. **Шкловский В. Б.** Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза // Шкловский В. Б. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1973. Т. 1. С. 165-230.

METADESCRIPTIVE ASPECTS OF Y. M. NAGIBIN'S STORY "DAPHNIS AND CHLOE OF THE EPOCH OF THE CULT OF PERSONALITY, VOLUNTARISM AND STAGNATION"

Gordeeva Elena Mikhailovna
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
elenagordeeva2012@gmail.com

The paper is devoted to Y. M. Nagibin's story "Daphnis and Chloe of the epoch of the cult of personality, voluntarism and stagnation" (1994). The research focuses on the connection of the reflective fragments of the work with the author's pastoral search. It is stated that the metadescription plays the genre-forming role in the story. It is emphasized that the author, depicting the present, didn't only orient to Longus's novel "Daphnis and Chloe", but also directly discussed his creative choice in the narration.

Key words and phrases: Y. M. Nagibin; "Daphnis and Chloe of the epoch of the cult of personality, voluntarism and stagnation"; metadescription; genre; modern pastoral.

УДК 81-119

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о подходах к изучению городской надписи и возможной типологии классификации городских надписей, представляющих собой особый тип текста. В этой связи изучаются как лингвистические особенности построения городской надписи, так и экстралингвистические. В качестве системообразующих критериев выступают структурные, содержательные и функциональные характеристики городских надписей. Авторы обосновывают выделенные критерии для построения классификации частотностью перечисленных признаков, а также их тесной взаимосвязью.

Ключевые слова и фразы: городская надпись; жанр; классификация; реклама; граффити; шутка; лозунг; алгоритм; риторический вопрос; прецедентность.

Дмитриева Ольга Александровна, д. филол. н.

Миронова Оксана Сергеевна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
dmoa@mail.ru; mironova_oks@rambler.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ГОРОДСКИХ НАДПИСЕЙ[©]

Лингвокультурная специфика различного типа текстов представляет интерес для лингвистов, изучающих текст сквозь призму культуры. Любой текст в условиях реального общения отражает следы этнокультурного своеобразия. В лингвистике выделяют культурно-маркированные и культурно-нейтральные тексты [1, с. 11]. Тексты, в структуре которых возможно выявить ценностный (аксиологический) компонент, относятся к культурно-маркированным.